

Андрей Афонин
и Герд Хартманн

ПИРОЖОК С КАПУСТОЙ, НЕБО ГОЛУБОЕ...

Ольга Фукс

В СТРАННОЕ ВРЕМЯ
МЫ ЖИВЁМ. НА
ПОВЕРХНОСТИ БУШУЕТ
УРАГАН НЕПРИМИРИМОСТИ
«МЕНТАЛЬНО ЗДОРОВЫХ» КО
ВСЕМУ, ЧТО НЕ ВПИСЫВАЕТСЯ
В ШАБЛОН И СТАНДАРТ: ОТ
ПРЕСЛОВУТОЙ «ЖЕНЩИНЫ
С БОРОДОЙ» ДО ПРОСТО
НЕУДОБНОГО МНЕНИЯ.
А ГДЕ-ТО В ГЛУБИНЕ
БЬЮТ КЛЮЧИ – ИДЁТ,
МОЖЕТ БЫТЬ, НЕВИДИМАЯ
БОЛЬШИНСТВУ, НО ОЧЕНЬ
ВАЖНАЯ РАБОТА ПО
ПРИЯТИЮ, РЕАБИЛИТАЦИИ,
АДАПТАЦИИ И В КОНЦЕ
КОНЦОВ ПОСТИЖЕНИЮ
ДРУГОГО, ИНОГО – А ВМЕСТЕ
С НИМ И САМОГО СЕБЯ.

Два явления, казалось бы, обречённых остаться на обочине всеобщего внимания, – документальный фильм о мальчике с аутизмом (с относительно счастливым финалом) и спектакль, где вместе с обычными актёрами играют актёры с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), неожиданно получили серьёзный резонанс. Пронзительный фильм «Антон тут рядом» Любви Аркус был показан по Первому каналу и на нескольких фестивалях и даже положил начало одноимённому центру, где теперь проходят реабилитацию многие аутисты. А спектакль «Отдалённая близость» в постановке Андрея Афонина и Герда Хартманна удостоился премии «Золотая маска» в номинации «Эксперимент».

Фото: Дмитрий Дубинский

МАЛЬЧИК ВМЕСТО ПРОЕКТА
Гуляющий по Сети текст аутиста Антона Харитоновича «Люди» подтолкнул главного редактора журнала «Сеанс» Любовь Аркус к тому, чтобы снять о нём фильм. В специализированном лагере «Онега» она нашла автора – полновозрастного подростка, который рисовал на песке неведомые знаки, наматывал километры по окрестностям и дичился камеры. Неизвестно, действительно ли он написал «Людей», но Любовь Аркус начала снимать о нём фильм. И провалилась в зазеркалье потрясающей реальности, безнадёжной и светлой.

Мальчик жил с мамой, отец, как это водится, давно спасался в другой семье. У мамы обнаружили рак, будущее Антона повисло на волоске. «Я думала, у меня проект, – говорит режиссёр, – а оказалось, у меня мальчик». Так автор стала частью собственного произведения – в данном случае это был единственный шанс остаться человеком.

Глазок камеры следил за Антоном четыре года. Следил, как он расцветал от любви и как цепенел от её отсутствия. Как научился читать, писать, плакать. Камера ведёт нас по кругам персонального ада ирая аутиста Антона Харитоновича: интернаты; специализированные поселения; больница им. Кащенко; редакция журнала «Сеанс», которая приняла деятельное участие в судьбе Антона; ободранная квартира «на Казанской на улице», где он чувствовал себя спокойно; онкобольница, где лежала мать; троллейбусный парк, где работал отец; кладбище с могилой матери и деревенский домик, купленный вскладчину съёмочной группой, чтобы отец с женой согласились переехать туда с Антоном. Здесь есть даже экшен – похищение Антона из психушки, которую он точно бы не пережил. А главное, здесь есть любовь – единственная, как вода для Икhtiандра, среда обитания, в которой он может выжить и которую «хомо нормалиус» часто старательно убивает в себе – и тоже для того,

чтобы выжить в отравленном воздухе равнодушия.

...ГОСПОДИ, ЗА ЧТО МНЕ
СЧАСТИЕ ТАКОЕ

«Тебя как зовут?» – «Я Саша». – «Я Паша». – «Я Стас». – «А я Женя, Евгения Александровна. Мне двадцать восемь, а тебе?» – «А у меня сестру зовут Наташа». – «Вот, смотри, это я выступаю. Правда, похож?» – «А после «Золотой маски» мы пошли в ресторан на проспекте Мира». – «Здорово, что ты пришла!..»
Маленький перерыв в репетиции актёры используют, чтобы познакомиться с новым человеком. За одну минуту мои представления об аутизме, о пресловутой скорлупе, из которой надо «достать человека», моментально улетучились, зато рот разъехался до ушей. Если они и живут в скорлупе, то это «скорлупа» абсолютной доброжелательности и открытости миру. А ещё я сразу запуталась, кто здесь ОВЗ, а кто не ОВЗ.

Спектакль «Отдалённая близость» создал сразу несколько прецедентов. Его поставили два режиссёра, общавшиеся через переводчика: немец Герд Хартманн, журналист и режиссёр, руководящий интегративным театром «Тиква» Thikwa («надежда» в переводе с иврита) в Берлине, и россиянин Андрей Афонин, филолог и режиссёр с двадцатилетним стажем социокультурной реабилитации, худрук Интегрированной театральной студии «Круг П». В студии занимается около сорока человек с разными диагнозами. И вовсе без диагнозов. «А потому что у нас серьёзно и интересно», – объясняет Афонин желание здоровых людей прийти именно в эту студию. Здесь царит жанровое разнообразие: эстрадный вокал, ансамбль барабанщиков, перформансы-импровизации, создание спектаклей. Так, за спектакль «Нарцисс и Кристофер» студия получила премию «Филантроп», а теперь работает над продолжением – «Кристофер и Эдип». Студийцы сами сочиняют тексты – и автор пронзитель-

Фото: Илья Водольский

«Отдалённая близость»

ного «Кристофера» аутист Алексей Федотов тоже отсюда. На девяти текстах аутистов, детей и взрослых, основан и спектакль «Отдалённая близость», который заставляет вспомнить о литературном авангарде: освобождение от привычного строя фраз и логического хода мыслей столь естественно для особенных людей. Один рассказывает о дружбе девочки с тараканом. Другой – о Золушке, «которая пошла в лес и

нашла русскую розу». Третий – просто радостный стишок: «Пирожок с капустой, небо голубое. Господи, за что мне счастье такое?» Четвертый – о юноше, побоявшемся пригласить девушку на второе свидание, так как «не был уверен, что не покончит жизнь самоубийством».

«Очень печальный текст, я не хочу такое говорить», – признавался мне актёр, которому оказался близок персонаж,

но было больно произносить то, что напоминало ему самого себя. «Это не твоя судьба», – убеждал я его. И когда он смог учесть свой опыт, но отделить себя от персонажа, получилось искусство, а не кунсткамера, не цирк уродов, – говорит Андрей Афонин. – Одно время в Москве работал цирк лилипутов, где делался упор на их необычность, а не на их достоинства, что в корне не подходит нам. В прошлом году нашим ребятам

предложили играть в кино, но когда я прочёл сценарий, понял, что на съёмках будут использованы особенности их внешности, а они заслуживают большего. Заявил, что не буду советовать им сниматься».

Дружеская идиллия двух женщин, борьба двух мужчин, нежность мужчины и женщины – на этих отношениях строится «Отдалённая близость». В каждой паре есть аутист и его страховщик – тот, кто подхватит потерянную реплику и поможет вернуться в нужное русло. Но главное здесь не реплика, а та предельная степень чуткости и готовности помочь, которую так редко видишь в «нормальной» жизни, где люди испытывают друг друга на прочность. «Мой театральный учитель Джордж Табори George Tabori сказал однажды, что его задача не в том, чтобы делать из людей актёров, а в том, чтобы делать из актёров людей», – говорит Герд Хартманн.

«Отдалённая близость» – первый спектакль, включённый в афишу репертуарного театра без всяких скидок на возможные осложнения в состоянии особенных актёров.

«Однажды на спектакле у зрителя случился эпилептический припадок со вскриками, судорогами, как это бывает, – вспоминает Андрей. – Он сидел у стены, и мне пришлось протащить его на себе через весь ряд. Но спектакль не остановился. Зрители потом спрашивали: «Ребят, а вы не видели, что случилось?» – «Видели, но наша задача – играть». Еще Герд Хартманн мне говорил, как важно делегировать ответственность и доверять таким людям. Конечно, как у любого человека, у них бывают периоды плохого самочувствия. Но работа есть работа – собираются и играют. За полтора года, пока идёт спектакль, не было никаких проблем».

За спектакль «Отдалённая близость» актёры получают обычный гонорар, хотя день спектакля у них занят почти полностью: проходят тренинги (каждый раз разные), играют полно-

ценный прогон, потом спектакль, а после проводят встречу со зрителями за свежеваренным по ходу действия супчиком. А вот за право заниматься в студии, которую приютил у себя детский центр «Строгино», вынуждены платить, потому что в России пока нет профессионального статуса у особого театра. Как правило, студия – единственное, что есть у особых артистов, поскольку устроиться на работу они практически не могут и живут чаще всего с родителями – понятие «сопровожаемое трудоустройство», по сути, не встречается в нашей жизни. Впрочем, есть и исключения – например, Саша Довгань, обладатель скрюченного тела, невероятно грациозной и бережной пластики и такого непобедимого обаяния, что перед ним не смогла устоять девушка образованная и здоровая. Так что Саша ведёт семейную жизнь, учится в школе милосердия, замечательно ладит с детьми.

«Норма всегда задаётся большинством социума, – говорит Андрей Афонин. – Вопрос в том, что форма должна трансформироваться. Мы требуем от профессиональных актёров подвижности, однако подвижным должно быть само общество. Естественно, всё получается не сразу, но рано или поздно эти изменения начинают происходить. В 89-м году, когда я приступил к работе в социокультурной реабилитации, в нашем обществе «не было» людей с особенностями – они сидели по домам. За 25 лет много чего я, хотя справедливости ради стоит заметить, что и особенных людей стало больше. Обществу приходится пытаться с ними взаимодействовать. А от лица режиссёров, которые работают с такой категорией актёров, могу сказать, что это большое счастье, потому что они всё время предлагают такие интересные, свежие, живые ходы, а тебе остаётся только должным образом их подать и усилить. Они дарят неиссякаемый источник вдохновения».

Photo by Gennady Avramenko

ANOTHER THEATRE

Andrei Afonin and
Gerd Hartmann

A CABBAGE PIEROGI
AND BLUE SKY ABOVE...

Olga Foux

WE LIVE IN A STRANGE TIME. A HURRICANE OF IRRECONCILABILITY OF “MENTALLY FIT” WITH EVERYTHING THAT DOES NOT CONFORM TO THE TEMPLATE AND THE NORM RAGES ON THE SURFACE: FROM THE NOTORIOUS “BEARDED LADY” TO A SIMPLY UNCOMFORTABLE OPINION. AND SOMEWHERE DEEP UNDERNEATH SPRINGS BUBBLE OVER – A VERY IMPORTANT WORK IS BEING CONDUCTED ON ACCEPTANCE, REHABILITATION, ADAPTATION AND ULTIMATELY ON UNDERSTANDING OF ANOTHER, OF SOMEONE DIFFERENT, LEADING THUS TO A DEEPER UNDERSTANDING OF ONE’S OWN SELF; WORK THAT REMAINS PERHAPS INVISIBLE TO THE MAJORITY.

Two events that seemed to be doomed to the margins of everyone’s attention – a documentary about an autistic boy (with a relatively happy ending) and a production, where actors with disabilities perform alongside regular actors – unexpectedly received significant public response. Lyubov Arkus’s poignant film “Anton’s Right Here” was shown on Channel One and at several festivals, and even laid the foundation for a homonymous centre, where many people with autism currently undergo rehabilitation. Meanwhile, Andrei Afonin and Gerd Hartmann’s production of “Distant Vicinity” was awarded a Golden Mask in the “Innovation” category.

Photo of Ivan Vodopitanov

A BOY INSTEAD OF A PROJECT

A text titled “People”, written by an autistic boy Anton Kharitonov, was floating through the Internet, prompting Lyubov Arkus, editor-in-chief of the “Seance” magazine, to make a movie about him. She found the author – a chubby teenager, who drew mysterious signs in the sand, covered kilometer after kilometer of the surrounding areas and shied away from the camera – inside a specialized camp “Onega”. It is unclear if he was really the one who wrote “People”, but Lyubov Arkus began making a film about him. And found herself falling into the world behind the looking-glass, into an amazing reality, hopeless and bright.

The boy lived with his mother; the father has long found refuge in another family, as those things go. The mother was diagnosed with cancer; Anton’s future was hanging by a thread. “I thought I was getting a project,” says the director, “but I ended up getting a boy.” Thus the author became part of her own work – in this case it was the only way to remain human.

The eye of the camera followed Anton for four years. It watched him blossom from love and grow numb from its absence. It showed how he learned to read, to write, to cry. The camera leads us through the circles of personal heaven and hell of an autistic boy Anton Kharitonov: board-

ing schools; specialized residences, the Kashchenko Hospital, the editorial staff of the “Seance” magazine that took active part in Anton’s fate; the shabby apartment “there on Kazanskaya Street”, where he felt at ease; the oncology hospital, where his mother was undergoing treatment; the trolleybus depot, where his father worked; the cemetery with his mother’s grave, and the small house in a village, that the film crew purchased by pooling their money together, so the father and his wife would agree to move there with Anton. It even has action – the kidnapping of Anton from the psychiatric hospital, where he definitely would not have survived. And most importantly, it has love – the only environment that was like water for Ichthyander*, the only environment, where he could survive, and the one that “homo normalis” often painstakingly destroys within himself, also in order to survive in the poisoned air of indifference.

...LORD, WHAT HAVE I DONE TO DESERVE SUCH GOOD LUCK

“What’s your name?” – “I’m Sasha.” – “I’m Pasha.” – “I’m Stas.” – “And I’m Zhenya, Yevgeniya Aleksandrovna. I am twenty-eight years old. How old are you?” – “And my sister’s name is Natasha.” – “Here, look, that’s me performing. Doesn’t that look like me?” – “And after the Golden Mask we went to a restaurant on Mir Avenue.” – “It’s great that you came!..” Actors use the small break between rehearsals to get to know the newcomer. One minute later all of my preconceptions about autism, about the proverbial shell that a person needs to be “pulled from” have disappeared, and I was grinning from ear to ear. If they do live inside a shell, then it is a “shell” of pure goodwill and openness to the world. And also I instantly became confused as to who was with disabilities here and who was without.

The production titled “Distant Vicinity” created several precedents at once. It was staged by two directors, who interacted through an interpreter: Germany’s Gerd Hartmann, journalist

and director, head of the integrative Thikwa Theatre (translated from Hebrew the word “thikwa” means “hope”), and Russia’s Andrei Afonin, philologist and director with twenty years of experience in sociocultural rehabilitation, artistic director of the Krug II Integrated Theatre Studio. There are about forty people with various diagnoses that work in the studio. And there are some without any diagnoses at all. *“That’s because it’s serious here and interesting,”* says Afonin, in explaining healthy people’s desire to join this particular studio. Here genre variety is king: singing of popular music, drummers ensembles, improvisational performances, creation of stage plays. Thus, the studio was given the Philanthropist Award for its production of “Narcissus and Christopher”, and is now working on a sequel titled “Christopher and Oedipus”. Studio staff write their own texts – and Alexei Fedotov, autistic author of the poignant “Christopher”, is also from here. The production of “Distant Vicinity” is also based on nine texts written by autistic children and adults, and is reminiscent of literary avant-garde: liberation from the usual sentence structure and logical train of thought is so natural for people with disabilities. One tells about the friendship of a little girl and a cockroach. Another – about Cinderella, “who went into the forest and found a Russian rose.” The third one is simply a cheerful little verse: “I got a cabbage pierogi and blue sky above. Lord, what have I done to deserve such good luck?” The fourth one is about a young man, who was afraid to take a girl out on a second date, because “he wasn’t sure that he wouldn’t commit suicide”. *“It is a very sad text, I don’t want to say this,”* admitted the actor, *who found this character to be his kindred spirit, and who also found it too painful to utter the words that reminded him of himself. ‘That is not your destiny,’ I assured him. And when he was able to take into account his experience but separate himself from the character, we ended up with art instead of a cabinet of curiosities or a freak show,”* says Andrei Afonin. *“At one*

point there was a Lilliput circus in Moscow, where they focused on how unusual they were instead of emphasizing their virtues, and that is fundamentally different from what we do. Last year our guys were offered to play in a movie, but when I read the script, I realized that the filming will focus on the particularities of their appearance, and they deserve more than that. I told them that I would not recommend them to take part in the filming.”

Two women’s friendly idyll, two men’s strife, tenderness of a man and a woman – these are the relationships that form the basis of “Distant Vicinity”. Every couple has an autistic actor and his backup – the one, who would pick up a forgotten cue and help him get back to where he needs to be. Yet the important thing here is not the cue but the extreme level of responsiveness and readiness to help that is so rarely seen in “normal” life, where people put each other through endurance tests. *“My theatre instructor George Tabori told me once that his goal was not to turn human beings into actors but to turn actors into human beings,”* says Gerd Hartmann.

“Distant Vicinity” is the first production to be included in a playbill of a repertory theatre without any allowances for potential complications with the health of actors with disabilities. *“One day during a performance an audience member had an epileptic attack with shrieks, seizures, the whole package,”* recalls Andrei. *“He was sitting by the wall, so I had to carry him on my back across an entire row. But the performance didn’t stop. Afterwards audience members would ask them, ‘Did you, guys, not see what happened?’ – ‘We did, but our job was to perform.’ Way back Gerd Hartmann told me how important it is to delegate responsibility and to trust these people. Of course, they have days when they don’t feel well, like any other person. But a job is a job, and they pull themselves together and perform. In the year and a half that this production has been running we haven’t had any problems.”*

Actors receive regular pay for the “Distant Vicinity” production, even though they are busy almost every minute of every performance day: they have trainings

(different ones each time), they do a complete run-through, then comes the performance itself, then they conduct a meeting with audience members over some freshly cooked soup made during the play. They are, however, forced to pay for the right to use the studio that is housed inside the Strogino Children’s Centre, because Russia as yet does not give special theatre professional status. The studio is generally the only thing artists with disabilities have, because they are largely incapable of finding employment and most often live with their parents – the concept of “supported employment” is virtually unheard of in our circumstances. Although, admittedly, there are exceptions as well – for instance, Sasha Dovgan, a young man with a twisted body, incredibly graceful and careful movements, and such unbeatable charm that a healthy and well-educated young girl was unable to resist him. So Sasha leads a married life, studies at the Mercy School, gets along great with children.

“The norm is always set by the societal majority,” says Andrei Afonin. *“The thing is that form must be transformed. We demand flexibility of professional actors, but it is the society itself that needs to be flexible. Naturally, it does not all work out right away, but sooner or later these changes begin to occur. In 1989, when I began work on sociocultural rehabilitation, our society ‘did not have’ people with disabilities – they stayed in their homes. A lot has changed in 25 years, though, to be fair, I must point out that there are now also more people with disabilities than there were back then. Society is forced to try and interact with them. And, speaking for directors, who work with these types of actors, I can tell you that it is a great joy, because they always offer such interesting, fresh, vivid moves, and all you have to do is find the right way to present them and enhance them. They provide an inexhaustible source of inspiration.”*

**Ichthyander was the main character of Alexander Belyaev’s novel “The Amphibian Man”. At the end of the novel Ichthyander could only survive by living in the sea.*